

Анита Бомон

ДРАКОН МОЖЕТ ВСЕ

18+

Анита Бомон

Дракон может все

«Автор»

2026

Бомон А.

Дракон может все / А. Бомон — «Автор», 2026

Он стал королём слишком рано. После загадочной смерти родителей юный наследник занял престол и превратился в жестокого правителя, которого боятся даже самые преданные подданные. Никто не знает, что скрывается за его холодностью и почему он так тщательно охраняет тайны своей семьи. Она — всего лишь молодая служанка, случайно оказавшаяся рядом с ним. Ей не место среди дворцовых интриг, но однажды она начинает замечать то, чего не должны видеть чужие глаза. Чем глубже она погружается в прошлое королевской семьи, тем страшнее становится правда. А между ней и человеком, которого она должна бояться больше всех, постепенно возникает чувство, способное разрушить стены, возведённые годами боли и недоверия. Но сможет ли любовь пережить тайны, на которых построен его трон?

© Бомон А., 2026

© Автор, 2026

Анита Бомон

Дракон может все

Глава 1

Белоцветник

Я всегда думала, что беда должна предупреждать о своём приближении.

Наверное, так было бы справедливо. Если человеку суждено потерять дом, семью или самую возможность распоряжаться собственной жизнью, разве не заслуживает он хотя бы одного знака? Грома среди ясного неба, внезапно поднявшегося ветра, дурного сна, который заставит проснуться посреди ночи. Чего-нибудь, что позволит оглянуться на привычную жизнь и понять: запомни этот день, потому что больше такого утра не будет.

Теперь я знаю, что всё происходит иначе. Беда не спрашивает разрешения и не стучит в дверь.

Она может прийти вместе с первыми лучами солнца, когда над полями висит прозрачный туман, а из конюшни доносится недовольное фырканье старого жеребца. Может застать тебя с растрёпанными волосами, босыми ногами и корзиной яиц в руках. Может начаться с обычного разговора, который через несколько часов покажется последним счастливым воспоминанием.

В то утро я ещё ничего не знала.

Я проснулась от того, что кто-то больно клюнул меня в палец.

— Ай!

Я резко села, сбросив одеяло, и обнаружила на краю кровати рыжую курицу с белым пятнышком возле клюва. Она совершенно невозмутимо смотрела на меня, словно именно я вторглась на её территорию.

— Только попробуй ещё раз, — сонно пригрозила я, потирая ушибленный палец.

Курица наклонила голову, а затем снова потянулась к моей руке.

— Даже не думай.

Она клюнула.

— Ах ты...

Подушка полетела в сторону незваной гостьи. Птица с возмущённым кудахтаньем спрыгнула на пол и выскочила за дверь, а я, несмотря на ранний час, рассмеялась.

— Лисса! — донёсся из соседней комнаты голос матери. — Если ты опять разговариваешь с курами, то хотя бы не буди весь дом.

— Это она первая начала!

— Конечно. Уверена, она давно на тебя злится.

— Тогда у неё отвратительный характер.

— Кто бы говорил.

Я улыбнулась, натянула платье и подошла к маленькому зеркалу, висевшему возле двери.

Отражение было привычным до скуки. Белые волосы, собранные в небрежную косу, тонкое лицо, золотистые глаза, которые после сна казались почти янтарными. На мне было простое серое платье из грубой ткани, немного выцветшее на рукавах. Подол давно требовал новой заплатки, но мать обещала заняться им вечером.

Я провела ладонью по волосам, пытаясь пригладить выбившиеся пряди. Безуспешно.

— Когда-нибудь я тебя всё-таки постригу, — пробормотала я своему отражению.

Из окна донёсся громкий лай. Я выглянула наружу и увидела Брана.

Старый пёс стоял у ворот, лениво помахивая хвостом, но стоило мне показаться в окне, как он тут же оживился.

— Уже встал?

Он ответил коротким лаем.

— Очень содержательно.

Я спустилась во двор. Холодная земля приятно остудила босые ступни. Ночь ещё не успела окончательно отступить, и над дальними полями клубился молочный туман. На востоке небо только начинало светлеть, окрашивая край облаков в нежно-золотой цвет.

Я любила это время суток. Наверное, потому, что в такие минуты наш посёлок казался совсем другим. Дома терялись в серой дымке, дороги становились почти невидимыми, а поля уходили за горизонт, будто весь мир принадлежал только нам.

Правда, это ощущение длилось недолго. Первым нарушал тишину петух соседа, который каждый день почему-то считал своим долгом объявлять рассвет на час раньше остальных. За ним начинали перекликаться другие птицы, овцы требовали корм, а лошади принимались бить копытами по деревянным перегородкам.

Наш двор оживал. Я взяла ведро и направилась к колодцу, но, едва сделав несколько шагов, услышала знакомый голос:

— Доброе утро, Белоцветник.

Я обернулась. У изгороди стоял отец.

Он уже успел запрячь старого Грома и теперь держал его под уздцы. Утренний холод оставил на лице мужчины лёгкую тень усталости, а в волосах серебрились всё новые пряди.

— Не называй меня так, — буркнула я.

Отец усмехнулся.

— А как тебя называть?

— Мелиссой.

— Слишком длинно.

— Тогда Лиссой.

— Ещё хуже.

— Почему?

— Потому что Белоцветник тебе подходит больше.

Я закатила глаза.

Он называл меня так с самого детства. Когда я родилась, мать принесла из сада несколько белых цветов, а отец потом шутил, что однажды утром обнаружил в колыбели не ребёнка, а маленький цветущий куст. Прозвище прилипло. Мне оно никогда особенно не нравилось.

— Я выросла, — напомнила я.

— Вижу.

— Тогда перестань.

— Не могу.

— Почему?

Отец похлопал Грома по шее и невозмутимо ответил:

— Привычка.

Я фыркнула и направилась к колодцу.

— Давай ведро, — отец протянул руку.

— Сама справлюсь.

— Я знаю.

— Тогда зачем предлагаешь?

— Чтобы проверить, сколько времени ты будешь спорить.

Я прищурилась.

— Очень смешно.

Я уже собиралась ответить, но с дороги донёсся топот. Отец обернулся первым.

Через несколько секунд из-за соседнего дома появился Томас, тащивший на плече охапку сена. Он выглядел так, будто уже успел начать спор с половиной мира.

— Ты опять босиком, — вместо приветствия заметил он.

Я посмотрела вниз.

— И что?

— Земля холодная, — Томас поставил сено у сарая и покачал головой, — однажды ты всё-таки заболеешь.

— Тогда принесёшь мне суп.

Он на секунду замолчал.

— Принесу.

Я улыбнулась, не заметив, как он отвёл взгляд.

— Отлично. Значит, план на случай болезни у меня уже есть.

Отец тихо усмехнулся и ушёл в конюшню, оставив нас вдвоём, а Томас тут же забрал ведро, прежде чем я успела возразить.

— Я сама могу!

— Знаю, — произнес Томас.

— Тогда отдай.

— Нет.

— Томас, — промычала я.

— Лисса.

— Я тебя ударю.

— Попробуй.

Я шагнула ближе, но он рассмеялся и отступил.

— Вот теперь узнаю тебя.

— Ты слишком много себе позволяешь.

— А ты слишком легко злишься.

— Неправда.

Он выразительно посмотрел на меня.

— Не смей.

— Я ничего не сказал.

— Именно поэтому и не смей.

Он снова рассмеялся. Томас был одним из тех людей, рядом с которыми мне не приходилось думать о том, как выгляжу или что говорю. Мы выросли почти бок о бок. Наши семьи дружили много лет, а наши дома разделяло всего несколько дворов.

В детстве мы вместе исследовали лес, строили шалаши, спорили, кто быстрее добежит до мельницы, и однажды умудрились украсть у старого мельника целую корзину яблок. Вернее, украл Томас, я только стояла рядом. По крайней мере, так мы объяснили это его отцу.

С тех пор прошло много лет, но наша дружба почти не изменилась. Томас всегда был рядом. Иногда слишком рядом.

Я замечала, как он задерживает взгляд на моём лице, как становится непривычно молчаливым, когда кто-нибудь из парней на рынке пытается со мной заговорить, но никогда не задумывалась о причине.

Для меня он был Томасом. Моим другом. Человеком, которому я могла доверить всё на свете.

Кроме разве что своих самых глупых мыслей. И то только потому, что он потом обязательно стал бы надо мной смеяться.

Наш дом не был большим. Всего несколько комнат, небольшая кухня, кладовая и чердак, куда складывали всё, чему пока не нашли применения. За домом располагался огород, а дальше начинались хозяйственные постройки.

Мы не бедствовали, но роскошь была для нас чем-то из другого мира. Если платье рвалось, мать зашивала его. Если сапоги начинали пропускать воду, отец латал подошву. Если

урожай выдавался хорошим, мы могли позволить себе немного отложить серебра. Если год оказывался плохим, откладывать было нечего.

Я никогда не считала это трагедией. В нашей семье не было принято жаловаться.

Мы просто работали.

Каждое утро начиналось одинаково: корм, вода, уборка, поле, огород, рынок, снова хозяйство. Работа менялась в зависимости от времени года, но её количество никогда.

Мне нравился такой порядок. Он был понятным. В отличие от того, что происходило за пределами нашей деревни.

Я узнала о настоящих проблемах королевства ещё несколько лет назад. Сначала это были разговоры взрослых. Потом — пустые телеги, возвращавшиеся с рынка. Затем появились королевские сборщики.

Я хорошо помнила их первый приезд. Мне было четырнадцать.

В тот день отец долго разговаривал с тремя мужчинами у ворот. Я стояла за окном и слушала.

— Мы уже отдали часть урожая, — говорил отец.

Один из солдат развернул свиток.

— Новый указ.

— Я знаю об указе.

— Тогда знаете, что должны выполнить его.

— Если я отдам ещё, нам нечем будет кормить семью зимой.

Мужчина пожал плечами.

— Не моя забота.

Эти слова остались со мной.

Не моя забота.

Наверное, именно тогда я впервые начала ненавидеть королевскую власть. Не человека. Не лицо. Саму власть.

Потому что власть могла прийти к твоему дому и забрать то, что ты выращивал месяцами.

С каждым годом требования становились тяжелее. Сначала забирали зерно, потом мясо, а потом лошадей.

Когда началась очередная война, королевские люди стали собирать всё, что могло пригодиться армии. Отец отдал одного из лучших жеребцов. Мы с мамой после этого плакали весь вечер.

Но больше всего меня злило другое. Принц даже не знал о нашем существовании.

Он сидел в своём дворце, отдавал приказы, подписывал бумаги, а люди вроде моего отца расплачивались за его войны.

Говорили, что он жесток. Что казни стали обычным делом. Что после смерти родителей он изменился. Никому не доверяет и способен наказать человека только за одно неверное слово.

Кто-то утверждал, будто принц лично участвовал в подавлении восстаний. Кто-то рассказывал ещё более страшные вещи. Я не знала, что правда, но мне было всё равно. Для меня он был символом того, почему мы живём так. И я его не любила.

— Лисса!

Я услышала голос Линды и выглянула из сарая.

Подруга стояла у ворот, придерживая широкоую юбку, чтобы не испачкать её в грязи.

— Ты опять работаешь?

— Нет, — ответила я, вытаскивая из стойла корзину с кормом. — Я просто решила украсить сарай.

Линда рассмеялась.

— И как успехи?

— Великолепно. Особенно понравилась овца.

— Какая?

— Та, что съела половину украшения.

Линда подошла ближе.

— У тебя волосы растрепались.

— Они всегда растрёпаны.

— Поэтому я и говорю.

Она достала из кармана ленту.

— Дай сюда.

— Что ты... — не успела я договорить, как Линда принялась собирать выбившиеся пряди.

— Мелисса, стой смирно, — произнесла она, быстро заканчивая работу с волосами, — готово.

Я провела рукой по голове.

— Лучше?

— Намного.

— Теперь я похожа на человека?

— Почти.

— Спасибо.

Линда улыбнулась. Она всегда была аккуратной. Даже работая в саду, умудрялась не испачкать платье. Я никогда не понимала, как ей это удаётся.

— Мы вечером идём к мельнице, — сказала она.

— Зачем?

— Просто посидеть.

— Томас будет?

— Разумеется.

— Тогда я не пойду.

— Почему?

— Потому что вы оба будете спорить о какой-нибудь ерунде.

— А ты не будешь? — удивленно спросила она.

Я посмотрела на неё.

— Нет.

— Конечно... — произнесла она, зная, что отказаться от этого у меня не получится.

Вечером мы действительно собрались у мельницы. Солнце уже почти скрылось за лесом, когда Томас принёс старое одеяло и расстелил его на траве.

Линда достала из корзины хлеб, сыр и небольшую бутылку вина.

Я посмотрела на неё с укором.

— Откуда это?

— Неважно.

— Линда.

— Отец купил.

— А ты ukrала.

— Я взяла немного.

Томас уже открыл бутылку.

— Очень убедительное объяснение.

Я забрала у него чашку.

— Только одну.

— Конечно, — согласился он.

Мы просидели у мельницы почти до темноты. Говорили о всякой ерунде.

Линда рассказывала о девушке из соседней деревни, которая собиралась выйти замуж за торговца. Томас спорил с ней, что свадьба не состоится. Я смеялась над ними обоими.

На какое-то время война, налоги и королевские приказы перестали существовать. Мне нравились такие вечера. Они казались маленькими островками нормальной жизни.

Томас сидел рядом, прислонившись спиной к старому дереву.

— Ты опять задумалась, — заметил он.

— Нет.

— Да.

— Почему ты всегда думаешь, что знаешь меня?

— Потому что знаю.

Я посмотрела на него. Он улыбался и я тоже.

Тогда я ещё не понимала, что для него эти минуты значили гораздо больше. Через несколько дней всё изменилось.

Сначала пришла весть о новой войне. Потом на тракте пропали несколько торговцев. Затем исчез парень из соседней деревни.

Отец начал запираť ворота раньше. Мать перестала отпускать меня одну в лес. А потом однажды вечером он сказал:

— Белоцветник, завтра никуда не уходи.

Я подняла взгляд от тарелки.

— Почему?

— Просто послушай.

— Ты что-то знаешь?

Отец помолчал.

— На дороге видели вооружённых людей.

У меня перехватило дыхание.

— Королевские?

— Неизвестно.

— Разбойники?

— Возможно, — не хотя ответил он.

— Тогда тем более я не собираюсь сидеть дома и ждать.

— Ты иногда забываешь, что храбрость и безрассудство — разные вещи, — нахмурившись сказал отец.

— А ты иногда забываешь, что я уже взрослая.

— Для меня ты всё равно моя дочь.

Я хотела ответить, но увидела выражение его лица. Он действительно боялся. И впервые я не стала спорить.

На следующий день погода была пасмурной. Я закончила работу раньше обычного и вернулась домой.

Бран стоял возле ворот. Он не лаял. Просто смотрел на дорогу.

— Что ты там увидел?

Пёс зарычал. Я обернулась. Дорога была пуста, только ветер гонял сухие листья, и я почувствовала как пробирается неприятный холод между лопатками.

— Наверное, зверь.

Бран не двинулся. Я хотела позвать его, но из дома донёсся голос матери.

— Лисса!

— Иду! — крикнула я в ответ.

Больше я не посмотрела на дорогу, и это была ошибка.

Всё произошло вечером. Сначала раздался топот. Затем крик.

Я выбежала из дома и увидела всадников. Их было пятеро, двигались быстро. Слишком быстро. На плащах не было герба.

— Папа!

Отец вышел из конюшни и сразу понял, что происходит.

— В дом.

— Но...

— Сейчас!

В голосе отца было что-то такое, чего я никогда прежде не слышала. Я не успела сделать и шага, как за воротами раздался первый удар. Кто-то закричал.

Потом второй. Дверь соседнего дома распахнулась. Люди побежали.

Мать схватила меня за руку.

— В погреб!

— Нет!

— Лисса!

Я хотела спорить, но дверь нашего дома с грохотом распахнулась. Трое мужчин ворвались внутрь.

Отец бросился на первого. Томас появился у двери почти одновременно с ним и ударил второго. Отступив, кто-то схватил меня сзади. Я закричала и попыталась вырваться.

— Отпусти! — прошипела я и ударила нападавшего локтем, но он оказался сильнее. Меня дёрнули назад.

Я почувствовала резкую боль в голове. Мир качнулся и последнее, что увидела, — Томаса на полу. Он пытался подняться.

— Лисса!

Я протянула к нему руку. Но расстояние между нами вдруг стало огромным.

Очнулась я от холода. Руки были связаны. Подо мной тряслись деревянные доски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.